

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КЛАССОВ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Макеев С.А.

доктор социологических наук, профессор

заведующий отделом социальных структур Института социологии НАН Украины

The article examines the latest methodology and empirical research methods of analysis of the classes in modern sociology, analyzes British and Ukrainian experience in building class model of society.

Стаття висвітлює новітню методологію та методи емпіричного дослідження класів у сучасній соціології, аналізує британський та український досвід побудови класової моделі суспільства.

Статья освещает новейшую методологию и методы эмпирического исследования классов в современной социологии, анализирует британский и украинский опыт построения классовой модели общества.

Ключові слова: клас, стратифікація, індекс нерівності.

Совсем недавно, в 2005 году, Эрик Олин Райт, один из трех самых известных исследователей классов, завершая, видимо, весьма длительную к тому времени карьеру структурного аналитика, собрал группу коллег и издал под своей редакцией книгу, озаглавленную «Подходы в классовом анализе» (Erik Olin Wright «Approaches to Class Analysis») [1]. В ней изложены теоретические предпосылки изучения классов: неомарксизм, неовеберизм, неодюркгеймианство, концепция Бурдьё, интерпретация классов Ааге Соренсеном в контексте теории ренты, принципы пост-классового анализа. Ниже речь пойдет об исследовании классов только в одном, весьма специфическом, аспекте: какие приемы используют социологи для эмпирического выделения классов. Начать, однако, следует с более общего вопроса о фундаментальном свойстве того, что обычно называют социальной реальностью.

В классической и современной социологии, скорее неявно, чем прямо в тексте как реальность в целом, так и ее отдельные фрагменты представляют собой гетерохронотопии, то есть единства неоднородности, времени и пространства. Гетехронотопичен, конечно же человек, основной информант при сборе эмпирической информации и, безусловно, в изучении неравенств. Его принято воспринимать и интерпретировать как нечто неоднородное, сложное. Он, к тому же, еще и топос – некое изолированное «пространство», отграниченное от прочих возможных топосов, с присущими им культурами воспринимать, чувствовать и объяснять. Его, наконец, характеризуют три временных измерения – прошлое, настоящее, будущее. Очевидно, что гетерохронотопия – неологизм не очень изящный, его оправдывает, пожалуй, лишь однозначное отнесение объектов к структурной исследовательской перспективе.

В гетерохронотопиях примечательно доминантное обстоятельство: они имеют чувственно-сверхчувственную природу. Иначе говоря, в них нечто вещественное и осязаемое перемешано с идеальным, непосредственно не наблюдаемым и не ощущаемым. Такая природа естественно продуцирует ситуацию неопределенности. Не столь жесткую, как в физике микромира согласно известному принципу, и которую, поэтому, стоит именовать «ограниченно преодолеваемой неопределенностью». В самом деле, социологи умеют находить следы смыслов и значений, ценностно-идеального в измеряемых показателях, предлагая методы его реконструкции, качественные, например, или же прибегая к сочетанию количественных и качественных методов. Однако и наблюдения, и реконструкции, остаются принципиально неполными – восстанавливаемые гетерохронотопии оказываются объектами, лишь приблизительно репрезентирующими реальность.

Наша дисциплина возникла и вот уже почти два столетия развивается как наблюдение за сходствами и отличиями между людьми, а также их влиянием на качество совместной жизни в рамках национальной культуры, институтов и организаций, по сути, жизни в эпоху Модерна. Поскольку сходства и отличия неисчислимы, постольку навык классифицировать и типологизировать принадлежит компетенции социолога. И потому «классы» представляют собой «предельные генерализации» на основании некоего набора эмпирически фиксируемых признаков, самые крупные объединения индивидов, возможные в нашей дисциплине: тут немислимы никакие гиперклассы или надклассы. Вполне уместно делить на классы аудиторию медиа, или потребителей культуры, или потребителей всевозможных продуктов и т.п.

Однако наиболее часто о классах принято говорить применительно к социальной структуре общества. В этом исследовательском анклав (от лат. *inclavare* – запереть на ключ) сложились и устойчиво воспроизводятся не менее четырех их трактовок. Во-первых, «классы» признаются субъектами социально значимых действий. В определенные периоды на поверхности социального вдруг становятся видимы «новые люди» или даже несколько разрядов «новых людей», вступающих в разнообразные, вплоть до конфликтных, отношения и между собой и со «старыми людьми», причем конфликты способствуют визуализации классов. Во-вторых, классы, полагают, являются носителями «сверхчувственного», соответствующего сознания, что подлежит подтверждению или опровержению эмпирически. В-третьих, социологи выясняют, как принадлежащие к определенным классам индивиды определяют свою классовую идентичность, артефакт, в котором явно преобладает «сверхчувственное». Зарубежными специалистами, а у нас Еленой Симончук, на материалах глубинных интервью было показано, что в определении социальной принадлежности и отличия от генерализированных других термин «класс» продолжает оставаться актуальным. В-четвертых, классы рассматриваются в качестве репрезентантов социального неравенства.

Имеется не менее пяти способов их эмпирической фиксации, конечным продуктом имеющие или дифференциацию (это просто разные классы), или стратификацию, когда классы иерархизированы вертикально. В первую очередь надлежит упоминать работы Джона Голдторпа (John Goldthorpe) и его коллег, начатые еще в 70-х годах прошлого столетия. К середине 90-х, когда был создан программный модуль компьютерного отнесения ответов респондентов в тот или иной разряд, классификация обрела и методическую завершенность в известной схеме EGP (в Англии иногда говорят о Nuffield-схеме, по имени колледжа, в котором работал Голдторп). Причем классы здесь традиционно причисляются к сфере экономики – это сходные позиции на рынке труда, описываемы рядом эмпирически фиксируемых показателей: профессия, сложность выполняемых трудовых функций, наличие подчиненных, особенности трудового контракта, всего около 20. Вот что в действительности происходит: теоретически обосновывается доминантная переменная, эмпирически конструируемая конечным набором признаков, классифицируются позиции, не люди. Особенности схемы, а также опыт ее применения в отечественных исследованиях рассматривались в работах О.Куценко, С.Оксамитной и, наиболее подробно, Е.Симончук.

Поскольку признаки позиции на рынке труда фактичны и измеримы, то классы здесь оказываются вполне «чувственными», хотя и непосредственно ненаблюдаемыми образованиями. Последнее обстоятельство позволило П.Бурдые утверждать, будто классы существуют «только на бумаге». Между тем более проблематичным, и более существенным, тут является нечто иное. А именно: полученная классовая схема неоднородна согласно принципу дифференциации, то есть классы образуют номинальную шкалу. Между тем в схеме EGP большинство признаков иерархические (представлены порядковыми или псевдометрическими шкалами), но Голдторп не считает ее, схему, иерархической, это просто разные предельные генерализации позиций на рынке труда. В ней, правда есть «высший» класс, но отсутствует «низший», что уже само по себе способно внушить мысль о хотя бы частичной иерархичности схемы.

Но спорить тут не о чем, для общего же блага и экономии мышления целесообразно согласиться: номинальная шкала классов так номинальная. Сегодня в Европе данная схема повсеместно используется на форумах исследователей и в публикациях. Чтобы общаться с коллегами на одном, так сказать, языке, в дилемме «глобальное – локальное» приходится выбирать глобальное и обращаться к схеме EGP. Еще, кстати, и потому, что наши инструменты (анкеты, гайды интервью) взаимодействуют с объектами: если применяешь особые инструменты измерений, то получаешь несопоставимые с другими результаты и общий разговор уже не поддержать. Тем не менее, сторону локального приходится принимать, то есть осознанно отклонять компаративистскую перспективу, поскольку требование знать и трактовать локальное остается императивным, к тому же не отступает и желание любоваться выявляемыми локальными расцветками, испытывать наслаждение от исконной тяги к автохтонному.

Во-вторых, недавно в Англии, стране с традиционно постоянным вниманием к проблемам социального расслоения, интернациональный коллектив социологов в конце прошлого десятилетия фактически операционализировал теорию капиталов, создав необходимые методические предпосылки репрезентативного количественного обследования, позволяющего фиксировать и предъявлять обоснованную социально-классовую карту в пределах национального государства. В 2011 году по заказу BBC состоялся эмпирический этап, а в самом начале 2013 года в журнале «Sociology» девять авторов – что весьма необычно для социологических статей – опубликовали первые

результаты обработки данных в статье «Новая модель социальных классов? Результаты экспериментального исследования класса в Великобритании по заказу BBC [[2, p.219 – 250]. Вопросительный знак после первого предложения в названии статьи и знак предосторожности, и референт сомнений и ожиданий авторов: является ли модель воистину новой и будет ли принята научными сообществами, осуществляющими анализ социальных структур и стратификации, или же модель так и останется «локальным» экспериментом?

Сбор информации осуществлен в два этапа. На первом специализированная лаборатория BBC выполнила интернет-обследование классов, о котором мультимедийная корпорация заведомо и настойчиво оповещала граждан, приглашая к участию. Оно началось 26 января 2011 года, а к июлю было получено 161400 полностью заполненных анкет. Как быстро обнаружилось, массив не был репрезентативен для Великобритании, в нем преобладали более образованные респонденты с более высоким профессиональным статусом, репрезентируя скорее аудиторию BBC. И потому в апреле 2011 года кампанией GfK проведено репрезентативное для страны интервьюирование по той же анкете (N=1026).

Методологический сдвиг, воплощенный в инструментарий исследования, вполне определен и декларировался ранее в работах авторов: от доминантной переменной «положение на рынке труда» с конечным набором показателей к трем переменным, представляющими собой «капиталы» в интерпретации П.Бурдые, а также к описывающим их показателям. Экономический капитал представляли доход домохозяйства, сбережения, стоимость находящегося в собственности, измерявшиеся в денежных единицах, причем два последних объединялись в один показатель – «накопления» (assets). Социальный капитал (респондентов спрашивали, знакомы ли они с представителями какой-либо из 37 профессий) фиксировался двумя итоговыми показателями: средний статус профессий, с представителями которых респондент знаком и среднее значение количества профессий, с представителями которых он знаком. Культурный капитал (интересы в свободное время, музыкальные вкусы, использование медиа, предпочтения в еде) конституировали 27 переменных, а данные обрабатывались с помощью множественного анализа соответствий. Каждый индивид получал определенное число условных баллов в зависимости от того, насколько он вовлечен в ту или иную практику или насколько ему нравятся те или иные занятия, затем сводившиеся в два показателя: «рафинированная» (highbrow) культура и «модная, доступная, случайная» (emerging) культура (культурные практики, избираемые «по случаю, по надобности»). Таким образом, шесть комбинированных показателей использовались для выявления классовой структуры, по два на каждый капитал: доход домохозяйства, накопления, средний статус профессий знакомых респондента, среднее значение числа профессий знакомых респондента, рафинированная культура, модная и доступная культура. Класс тут представляет собой «облако» количественных значений этих шести показателей, но группируются тут не позиции, как в предыдущем случае, а люди.

Принадлежность к классу устанавливалась методом анализа латентных классов (latent class analyses), позволяющим группировать респондентов со сходными признаками, в данном случае – показателями и индикаторами трех разновидностей капиталов. Обычно он применяется к категориальным переменным, но авторы нашли уместным применить его и к порядковым и к метрическим. Перечень 7 полученных классов, их удельный вес в репрезентативной выборке и краткое описание выглядят следующим образом:

- элита (6%): большой экономический капитал (особенно сбережения), значительный по размерам социальный капитал, очень большой рафинированный культурный капитал;
- укоренившийся (established) средний класс (25%): большой экономический капитал, высокий статус контактов, но относительно мало контактов в среднем, рафинированный капитал и модный (доступный) культурный капитал
- технический средний класс (6%): большой экономический капитал, очень большое среднее статуса контактов, но относительно мало контактов в среднем, средний культурный капитал в показателях рафинированного и модного (доступного);
- новые обеспеченные (affluent) работники (15%): средний по размерам экономический капитал, сравнительно низкое среднее статуса контактов, но большое их количество, средний рафинированный, но большой модный (доступный) культурный капитал;
- традиционный рабочий класс (14%): сравнительно маленький экономический капитал, но приемлемое богатство, мало контактов, небольшой рафинированный и модный (доступный) культурный капитал;
- непостоянные работники в обслуживании (emergent service workers) (19%): класс образуют преимущественно молодые люди со сравнительно небольшими накоплениями, но приемлемым доходом, средний уровень контактов, большой модный (доступный), но маленький рафинированный культурный капитал;

➤ прекариат (15%): маленький экономический капитал и самый низкий уровень по всем показателям прочих капиталов; занятые на рабочих местах в сфере услуг без перспектив профессионального продвижения и гарантий стабильного трудоустройства.

Относительно полученной классификации семи латентных классов авторы высказывают ряд соображений. В соответствии с избранной статистической методикой «классы» гомогенны по показателям каждого из капиталов, но внутренне неоднородны по социально-демографическим характеристикам и профессиональному составу. Поскольку не обнаруживается никакой очевидной связи между неким набором профессий и латентными классами, постольку гетерогенность предельных генерализаций признается нормой, не смущающей уже исследователей. Более того, подобная ситуация едва ли не окончательно дискриминирует архаичное деление на «белые» и «синие» воротнички, как и практически выводит из употребления в качестве классифицирующего приема различие между умственным и физическим трудом.

Согласованность капиталов по уровню, констатируют авторы, присуща с позитивной модальностью «элите» и с негативной модальностью (небольшой размер всех капиталов) «прекариату», вводя отчетливый мотив поляризации классовой структуры, а в остальных наблюдается рассогласованность как разновидность гетерогенности. Именно ее, похоже, следовало бы считать правилом для предельных генерализаций. По крайней мере, сегодня нет не только теорий, но и сколько-нибудь убедительных предположений о том, какой может или должна быть степень соответствия между капиталами.

В опубликованной статье не заявлено намерение построить именно стратифицированную модель классов, следуя в этом установившемуся в англо-американских работах порядку классового анализа, когда «шкала» объявляется номинальной по самой своей природе. Однако все шесть используемых признаков капиталов внутренне построены как иерархии, а в заключении встречается выражение «низшие уровни классовой структуры» (lower levels of the class structure) [2, p.246], как если бы мы все время имеем дело с порядковой шкалой. Вот тут-то и возникает впечатление, будто представление о стратифицированности модели прорывается в текст помимо воли авторов, которые предпочитают придерживаться канонической терминологии, не в последнюю очередь из-за ее высокого статуса в изучении неравенств. Помимо воли еще и потому, что примененная статистическая техника – анализ латентных классов – обычно в литературе представлена как дающая дифференцированную, а не стратифицированную, картину агрегации признаков [3, 6–7]. Ситуация остается парадоксальной: капиталы обладают измеримой метрикой, но применяемая техника конечным результатом имеет схему, организованную по принципу дифференциации, то есть номинальную шкалу, на гистограмме представленную двумя пиками в 25% и 19%.

В-третьих, после построенного в 1961 году П.Блау и О.Данкеном социально-экономического индекса в изучении неравенств практически не встречаются попытки конструирования иерархического классового порядка. Но задача имеет, безусловно, решение, остается только создать и отладить технику исчисления «индекса неравенства», к тому же ныне существуют программы обработки данных, успешно сочетающих все виды используемых в социологии шкал. В отечественных пределах накоплен некоторый опыт, сопоставимый с недавно опубликованными результатами английских коллег. Две оригинальные методики, в которых три показателя – позиции, диспозиции и практики – с использованием двух десятков переменных, сводившихся в индексы, были разработаны Н.Ковалиско и проведены опросы во Львове и Донецке, а в итоге выделены 6 и 5 страт городского населения областных центров [4, 61], фактически – получена псевдоинтервальная шкала классов. Методика и техника, примененные Н.Ковалиско, не столь изошрены, как у английских коллег, но важнее обращение к иным теоретическим основаниям и другим приемам выделения классов, позволяющими оставаться в реалиях национально-локального.

В-четвертых, в 2009 году Анна Домаранская, аспирантка Института социологии НАН Украины, приступила к разработке методики вычисления «индексов неравенства» на массивах данных, не предназначенных специально для исследования неравенств, таких как мониторинг Института социологии или Европейское социальное исследование. В ряде статей она показала, что задание на формирование «облака» измеренных показателей или, иначе, на построение псевдоинтервальной шкалы, которая, в идеале, должна быть унимодальной, в той или иной степени выполнимо. Незамедлительно обнаружилось также, что для получения результата, предназначенного для публикации в пределах аспирантской учебы, приходится идти на компромиссы и делать выбор в пользу тех или иных решений относительно отбираемых признаков, обоснованность которых или сомнительна, или вовсе волюнтаристская. К тому же не ясно, имеются ли отличия в величине инвестиций каждого

предварительно отобранного показателя в определение класса и удастся ли эти отличия выразить количественно. В общем, в обозримой перспективе для нахождения сколь угодно удовлетворительных ответов необходима тщательно выполняемая и кропотливо перепроверяемая вычислительная работа по построению моделей с разным набором признаков.

В-пятых, имеются и более простые способы фиксировать ситуации и состояния иерархического расслоения. Одним из них является используемое в мониторинге Института социологии НАН Украины обращение к респондентам с просьбой разместить себя на воображаемой социальной лестнице, где первая ступень означает низшее положение, а 7 – высшее. При этом социологи исходят из неких убедительных допущений. Прежде всего, люди сопоставляют себя с другими (1), они обладают неким «чувством места» в обществе и восприимчивы к изменениям условий персонального и семейного существования (2), внешний наблюдатель (эксперт, политик, аналитик) абстрагируется от непростого вопроса о том, каково «реальное» расслоение, ведь если индивид ощущает себя в определенном месте социальной иерархии, то этим определяется его самочувствие и его возможные вербальные и реальные реакции на внешние обстоятельства (3).

На Рисунке 1 представлена динамика саморасположения себя респондентами на такой воображаемой лестнице, то есть отнесения себя к одному из иерархически ранжированных классов. Результатом оказывается кривая, которую можно оценивать на нормальность, асимметричность, вычислять меры центральной тенденции.

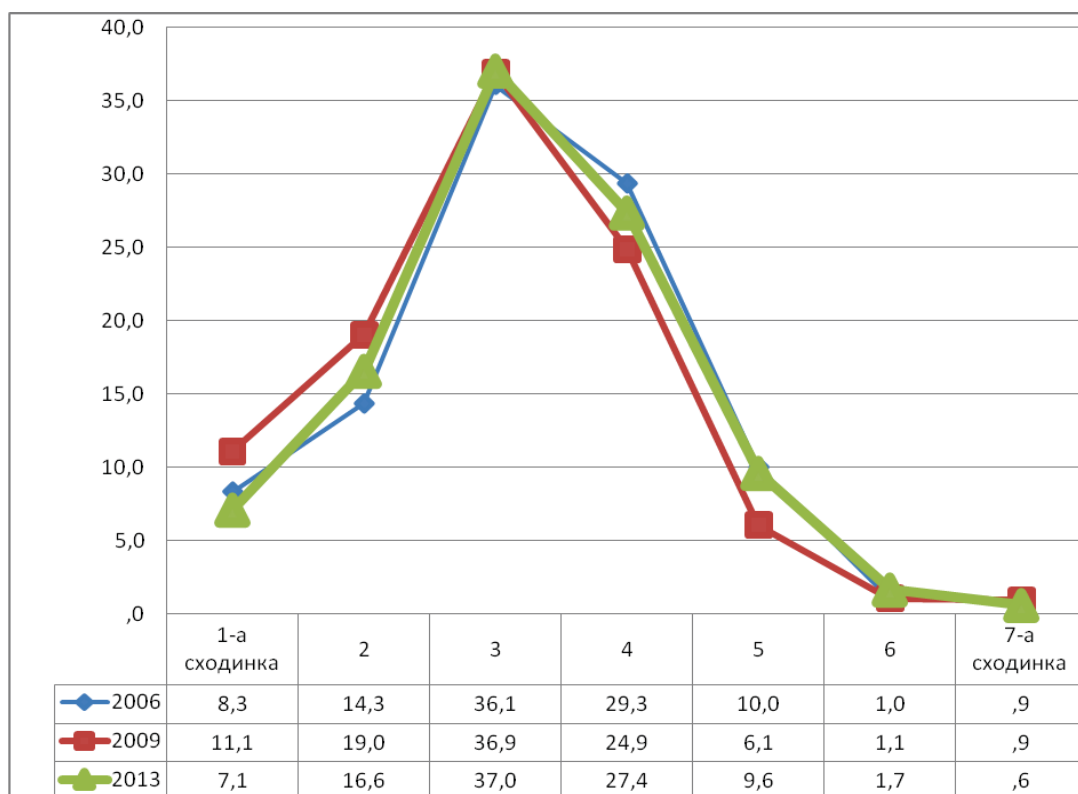

Рисунок 1.

Три точки сравнения представлены 2006 годом, то есть до мирового финансового кризиса, 2009 годом, когда его последствия сказались и в Украине, а также 2013 годом, годом весьма умеренного роста экономики. Характер распределения, как легко убедиться, определенно похож: две трети опрошенных располагают себя в середине иерархии на третьей и четвертой ступенях. Однако влияние кризиса сказывается весьма существенно, изменения наиболее существенны на первых двух и на четвертой ступени (относящие себя к «средним», «благополучным»). Если в 2006 году на первых двух локализовали себя 23% опрошенных, то в 2009 почти каждый третий (30%), а в 2013 24%. От последствий кризиса украинцы еще не оправились, на четвертой ступени в 2006 году находились 29% опрошенных, а семью годами позже 27%.

Итак, что же мы теряем и что остается тогда, когда различными способами пытаемся эмпирически выделить классы. Подытожу представленный обзор в виде восьми утверждений:

- (А) выделение классов и построение индексов неравенства на основе массовых опросов предполагает несколько итераций упрощения, которые начинаются применяемыми шкалами опросников и продолжаются агрегацией пунктов шкалы в обозримое количество детерминирующих различие или же иерархизацию признаков; одно из существеннейших упрощений – классы наличествуют здесь и сейчас, им нельзя приписать прошлое и поставить в соответствие будущее;
- (Б) предельные генерализации (классы), организованные в номинальную или псевдометрическую шкалу, прежде всего оказываются образованиями с относительно высокой степенью внутренней неоднородности (сложности), это репрезентанты генерализованных неравенств; «острова» неравенств в море иерархизированных различий; быть может это все, для чего они нам нужны;
- (В) сочетание количественных и качественных методов, а также использование интернет-опроса способствуют частичному восстановлению смыслов и значений (сверхчувственного), а также темпорального;
- (Г) приемлемыми следует считать классификации в 5 – 11 позиций, причем всегда сохраняется возможность их укрупнения, степень целесообразности которого устанавливается в каждом конкретном случае;
- (Д) номинальная классовая шкала эмпирически обычно представлена ломаной кривой с несколькими вершинами;
- (Е) псевдоинтервальная классовая шкала тяготеет к «идеальному типу», поскольку если распределение по классовым позициям похоже на нормальное, то в обществе довольно справедливый доступ к шансам, возможностям, материальным и социальным благам;
- (Ж) эмпирическая псевдометрическая шкала классов и представляющая ее кривая распределения индивидов асимметрична в сторону нижних позиций; по крайней мере для Украины это справедливо;
- (З) в социологии не принято, я не знаю почему, обсуждать какие небесмысленные, это важно, классификации «лучше»; вероятно большее доверие стоит оказывать тем из них, которые дают более равномерное распределение индивидов по классам.

Завершу историю, вычитанной в главе «Что такое реальность» в книге Стивена Хокинга «Высший замысел», написанной вместе с болгарским коллегой. Цитирую: «В итальянском городе Монца несколько лет назад муниципальный совет запретил жителям держать золотых рыбок в шаровидных аквариумах. Инициатор этой меры объяснил запрет тем, что держать рыбку в сосуде с изогнутыми стенками жестоко, потому что, глядя наружу, рыбка видит искаженную картину реальности» – конец цитаты. А потом в главе приводится ряд убедительных аргументов в обоснование тезиса о том, что наука представляет собой в высокой степени замысловатый способ производства «искаженных картин реальности». В случае с классовой структурой искаженной в том смысле, что этот наш объект скорее «сверхчувствен», чем материален, или, что едва ли не то же самое, наши исследовательские приемы столь несовершенны, что позволяют улавливать лишь контуры отличных друг от друга и внутренне неоднородных объектов. Объектов, из которых удалено временное измерение и которым совсем непросто дать правильные имена, если таковые вообще существуют. Убедительность получаемых классификаций, как мне представляется, позитивно коррелирует с усложнением комбинаторики процедур идентификации множеств, именуемых классами, и негативно – с остающимися в ходу и употреблении неизбежными упрощениями гетерохронотопий исследовательскими приемами и операциями.

Література

1. Approaches to Class Analysis. / Edited by Erik Olin Wright. – Cambridge University Press, 2005. – 212 p.
2. Savage M., Devine F., Cunningham N., Taylor M., Li Y., Hjellbrekke J., Roux B. L., Friedman S. and Miles A. A New Model of Social Class? Findings from the BBC's Great British Class Survey Experiment / Mike Savage, Fiona Devine, Niall Cunningham, Mark Taylor, Yaojun Li, Johs. Hjellbrekke, Brigitte Le Roux, Sam Friedman and Andrew Miles // Sociology. – 2013. – Vol. 47, №2.
3. Collins L.M., Lanza S. T. Latent Class and Latent Transition Analysis. With Applications in the Social, Behavioral, and Health Sciences / Linda M. Collins, Stephanie T. Lanza. – John Wiley & Sons, Inc., 2010. – 285 p.
4. Ковалиско Н. Теория практик, практики и исследование стратификационных порядков / Н. Ковалиско // Социология: теория, методы, маркетинг.- 2010. - №2. – С. 49-63.